

Есаулов И. А.

Духовная традиция в русской литературе - осмысление христианской сущности человека и православной картины мира в литературе, имеющее трансисторический характер. "Слово о Законе и Благодати" митрополита Илариона - начало истории древнерусской литературы - прозвучало либо перед пасхальной утренней службой, либо, скорее всего, в первый день Пасхи 26 марта 1049 года (Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона - русского писателя XI в. // *Slavia. Praha*, 1963. Рос. 32. S. 148). Пытаясь "рассмотреть христианское основание русской литературы (Гоголь, Достоевский, Толстой, Тургенев)" (Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. М., 1995. Кн. 3. С.129), нельзя упускать из виду, что для многих поколений русских людей не столько домашнее чтение, сколько именно литургическая практика была основным способом освоения текста Священного Писания. По мысли А.С.Пушкина, именно "греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер" (Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в., 1822). Это отразилось в литературных текстах даже тех русских авторов, которые могли и не принимать иные стороны христианского вероисповедания. Русская словесность первых семи веков своего существования отчетливо христоцентрична, т.е. изначально ориентирована прежде всего на Новый Завет. Ветхозаветные тексты осмысляются при этом исходя из православной картины мира. Главное назначение этой литературы - воцерковление человека. В русской литературе 19-20 вв. христоцентризм проявляет себя как прямо, так и, гораздо чаще, имплицитно: авторской духовной, этической и эстетической ориентацией - не всегда рационализируемой и осознаваемой - на личность Христа: слишком жива еще в культурной памяти установка древнерусской словесности на "подражание" Христу ("Братья Карамазовы", 1879-80; "Идиот", 1868, Ф.М.Достоевского; "Господа Головлевы", 1875-80, М.Е.Салтыкова-Щедрина). Отсюда отчасти понятны максималистские этические требования к герою литературного произведения русской классики, намного более строгие, нежели в западноевропейской того же исторического периода. Именно потому, что в сознании автора всегда присутствует "наилучший", так мало в русской литературе "положительных" героев, выдерживающих сопоставление с заданной древнерусской книжной традицией нравственной высотой ("Студент", 1894, А.П.Чехова). Постоянная боязнь духовного несовершенства перед лицом идеальной Святой Руси, страх несоответствия низкой наличной данности этой высокой заданности делают все другие земные проблемы человеческой жизни второстепенными и малозначительными. Отсюда постоянное стремление к постановке "проклятых вопросов". Отсюда же - любовь к убогим, юродивым, нищим и каторжникам, терпеливость и эстетизация этой терпеливости. Это эстетизация любви к ближнему своему - при всем понимании его несовершенства; ориентация на этический абсолют и столь же абсолютное приятие мира, каков он нам дан. Глубинная, тесная и никогда не прерывающаяся связь с Новым Заветом - главное, что конституирует единство русской культуры в целом. При анализе произведений русской классики нужно иметь в виду, что зачастую "скрытое воздействие не прекращается и тогда, когда о православной традиции и не вспоминают" (Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // *Новый мир*. 1988. N 9. С.231). Даже само резкое неприятие отдельными авторами православной духовной традиции может свидетельствовать о ее особой значимости для русской литературы. Внешняя бесформенность ряда произведений русской классики, полифония Ф.М.Достоевского и уклонение от формулировки "последней правды" в произведениях Чехова при всей очевидной разнице художественных систем авторов имеют общий знаменатель: православное видение мира, укорененность в православном типе культуры. И на уровне построения текста, и на уровне завершения героя автором наблюдается как бы трепет перед властью над "другим" (героем), трепет перед собственной возможностью окончательной и последней завершенности мира (пусть и художественного),

неуверенность в своем праве на роль судьи ближнего (пусть и выступающего всего лишь в качестве вымышленного персонажа). Ведь сказанная окончательная правда о "другом", зафиксированная текстом произведения, словно бы отнимает у него надежду на преобразование и возможность духовного спасения, которые не могут быть отняты, пока "другой" жив. Претензия на завершение героя - это как бы посягательство на последний Суд над ним, тогда как только Бог знает о личности высшую и последнюю правду. В пределах же земного мира, воссозданного в художественном произведении, последняя правда о человеке становится известной лишь после его смерти. "Равноправие" голосов автора и героев Достоевского, на котором настаивает М.М.Бахтин, имеет те же глубинные истоки, укорененные в православной русской духовности. Автор и герой в самом деле равноправны - но именно перед лицом той абсолютной, а не релятивной правды, которую во всей полноте дано знать только Богу. Именно по отношению к этой высшей правде любая другая - релятивна, любая "изреченная" на земле мысль, по выражению Ф.И.Тютчева, "есть ложь".

Русская литература 19 в. в своем магистральном духовном векторе не противостояла многовековой русской православной традиции, как это долгое время пытались доказать, но, напротив, выростала из этой традиции, из русского пасхального архетипа и идеи соборности. Литература же Серебряного века во многом определяется коллизией между художественной тенденцией сохранения традиционного для русской словесности православного строя и попытками глобальной трансформации духовной доминанты русской культуры. Однако даже в литературе советского периода русской истории можно констатировать присутствие ряда лейтмотивов православной традиции, хотя и в латентном виде (А.П. Платонов, М.М. Пришвин). В то же время в ряде произведений русской литературы 20 вся полнота этой традиции порой полемически эксплицируется ("Лето Господне", 1933-48, И.С. Шмелева, "Доктор Живаго", 1957, Б.Л. Пастернака).

Лит.: Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953; Непомнящий В.С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. М., 1987; Струве Н. Православие и культура. М., 1992; Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994-1998. Вып. 1-2; Христианство и русская литература. СПб., 1994-1999. Сб. 1-3; Котельников В.А. Православная аскетика и русская литература (на пути к Оптиной). СПб., 1994; Воропаев В.А. Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В.Гоголя в свете Православия. М., 1994; Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995; Мочульский К. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М., 1995; А.С.Пушкин: путь к Православию. М., 1996; Дунаев М.М. Православие и русская литература. М., 1996-2000. 1-6; Духовный труженик: А.С.Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999.